

Доктор Джеймс С. Шпигель, Христианская этика , Сессия 12, Репродуктивные технологии

© 2024 Джим Шпигель и Тед Хильдебрандт

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 12, Репродуктивные технологии.

Хорошо, следующий вопрос, который мы обсудим, это репродуктивные технологии.

В наше время существует ряд моральных проблем, которые возникли из-за моральных вопросов, возникающих с развитием определенных технологий. И это нигде не имеет большего значения, чем когда речь идет о репродуктивных технологиях. Итак, начнем с обзора некоторых используемых методов.

То, что раньше было известно как искусственное оплодотворение, теперь обычно называется внутриматочным оплодотворением или ВМИ. Это искусственное введение спермы мужчины в матку женщины. Существует гаметный интрафаллопиевый перенос, также известный как GIFT, когда у женщины извлекают несколько яйцеклеток, а затем помещают вместе со спермой мужчины в фаллопиевы трубы женщины.

Экстракорпоральное оплодотворение, которое немного более известно, при ЭКО, яйцеклетки оплодотворяются в лаборатории, а затем созданные эмбрионы имплантируются в матку. Или в так называемом ZIFT, эмбрионы имплантируются в фаллопиевы трубы. Или зиготы имплантируются в фаллопиевы трубы.

И затем, в суррогатном материнстве, третья женщина используется для вынашивания ребенка, которого по какой-то причине другая женщина не может выносить. Суррогатная мать оплодотворяется посредством ВМИ или ЭКО, а затем вынашивает ребенка, с которым она может быть или не быть генетически связана, в зависимости от того, какие яйцеклетки используются. Итак, каким должен быть наш подход к этим вопросам? Согласно утилитаристу или кантианцу, нам нужно рассматривать только будущее счастье или, извините, нам нужно рассматривать только счастье или удовольствие вовлеченных людей, которыми будут мать, отец, суррогатная мать, если мы говорим о суррогатном материнстве.

И мы также можем принять во внимание будущее счастье или удовольствие со стороны созданного ребенка. В случае кантовской этики мы рассматриваем

автономию вовлеченных людей, уважение к личности и так далее. И можем ли мы универсализировать эту практику? Но с христианской точки зрения нам нужно учитывать и другие практики.

Скотт Рэй полезен тем, что приводит некоторые моральные параметры, которые стоит рассмотреть, и различные другие соображения. Одно из них заключается в том, что медицинская технология — это дар. Вы знаете, мы — носители божественного образа.

Мы креативны и инновационны. И одна из вещей, которую люди, как носители божественного образа, способны делать, это создавать всевозможные технологии. Так что это благословение от Бога, при прочих равных условиях.

Технологии могут использоваться как во благо, так и во зло. И когда мы морально размышляем о таких вопросах, мы стремимся использовать наши технологии для морального блага, а не для зла. Во-вторых, деторождение было задумано Богом так, чтобы происходить в контексте гетеросексуального моногамного брака.

Мы поговорим об этом в отдельной лекции. Человеческая сексуальность, моральные вопросы, которые возникают в связи с человеческой сексуальностью. В-третьих, святость жизни и моральный статус нерожденных являются важными соображениями.

С христианской точки зрения мы верим в святость человеческой жизни, что вся человеческая жизнь священна, потому что люди созданы по образу Божьему, как нам сказано в Бытии 1. И как мы говорили в нашем обсуждении аборт, с библейской точки зрения, нерожденный ребенок — это священная жизнь. Принцип святости человеческой жизни применим к нерожденному ребенку. Так что это нужно иметь в виду.

В-четвертых, усыновление является важной альтернативой, которую следует рассмотреть вместо выбора любой из этих репродуктивных технологий. Это определенно благословение для миллионов пар, которые выбирают усыновление. Это очень искупительное дело, особенно когда пара усыновляет ребенка, о котором в противном случае не заботились бы должным образом.

И что в любом случае дети — это дар Божий. Всякий раз, когда происходит естественное рождение ребенка через акт деторождения, это дар Божий. Это то, что он делает, особенно в каждой утробе, когда создается ребенок.

И, наконец, добродетель веры. Это, безусловно, испытание веры для многих пар, которые испытывают трудности с зачатием. И это возможность.

Я уверен, что большинство не видят этого таким образом. Это время, когда можно расти в вере и доверять Божьему суверенитету. Однако для многих пар это очень трудный вызов.

В какой момент мы должны отказаться, знаете ли, от стремления иметь собственного ребенка, будь то с помощью таких технологий или других средств? В какой момент мы должны просто стремиться к усыновлению или сдаться Богу, что это не воля Божья, чтобы мы имели детей? Пастор моей церкви, или я, являюсь ее членом, и он и его жена не могли зачать. Поэтому в какой-то момент они просто решили, что, ну, это не воля Божья, чтобы мы имели собственных детей. По какой-то причине они решили не усыновлять.

Но они сосредоточились на других формах служения, принимая разных студентов в своих домах, живя с ними, а иногда и людей из других стран. И они служили таким образом, и это было очень мощное служение для них. Но это может быть очень сложным испытанием веры.

Вот несколько римско-католических теологических различий, которые не обязательно подтверждаются большинством протестантов, но которые, безусловно, стоит рассмотреть и отнестись серьезно. Одной из них является идея единства секса и деторождения. В римско-католической теологической традиции существует признанная норма, что супружеский секс всегда должен быть открыт для деторождения.

Так что это не значит, что вы всегда должны намереваться иметь ребенка каждый раз, когда занимаетесь сексом. Но должна быть открытость к деторождению, и это повлечет за собой непринятие мер по предотвращению деторождений, которые являются искусственными, с использованием технологий и контрацептивов. Хотя одобрено нечто, называемое методом ритма, и это просто через самоконтроль, избегание секса в то время, когда вероятность зачатия у женщины наиболее высока.

Но в римско-католической традиции существует гораздо более тесная связь между половым актом и деторождением, которая обычно признается и подтверждается протестантами. И затем, с точки зрения надлежащей роли технологий в римско-католической традиции, медицинские технологии признаются чем-то, что может помочь нормальному половому акту, но не может заменить его. Так что это имеет последствия для некоторых из этих репродуктивных технологий.

Вот некоторые моральные вопросы, которые возникают в контексте некоторых из этих репродуктивных технологий. Внутриматочная инсеминация и экстракорпоральное оплодотворение, а также GIFT, использование препаратов для овуляции в случаях GIFT, ЭКО, а также иногда и в IUI, представляют

значительный риск для большого количества близнецов, иногда четырех, пяти, шести детей, рожденных с помощью этих методов, что представляет высокий риск как для матери, так и для детей, и у вас есть более высокий уровень потери жизни детей. Это сложный вопрос, учитывая, что когда, скажем, проводится экстракорпоральное оплодотворение, это дорого.

Вы тратите на это десятки тысяч долларов, и когда у вас есть эти эмбрионы, их нужно имплантировать; этот процесс также дорогой. Итак, вы хотите получить максимальную отдачу от своих денег, поэтому это стимул вставить большое количество эмбрионов в надежде, что хотя бы один имплантируется. Но в процессе экстракорпорального оплодотворения и производства всех этих эмбрионов обычно остаются остатки и эмбрионы, которые не нужны, потому что теперь, скажем, пара прошла через этот процесс два, три раза, и им не нужно использовать другие эмбрионы, которые сейчас хранятся в холодильнике.

Итак, что с ними делать? Их можно просто уничтожить, пожертвовать или хранить бесконечно, или использовать в экспериментальных целях, например, для исследования стволовых клеток, за что выступают многие люди. Финансово рискованное решение здесь — не создавать больше эмбрионов, чем вы готовы выносить до срока. Ко мне уже обращались пары по этому поводу, и я помню одну, где мне задали этот вопрос, зная, что это вызывает беспокойство.

Они были молодой христианской парой, и они были обеспокоены перспективой иметь эмбрионы, которые остались неиспользованными и, следовательно, умерли. Они верят в это, верно? Это человеческие личности с правом на жизнь. Поэтому я рекомендовал им использовать любые эмбрионы, которые они создали или которые были зачаты с помощью экстракорпорального оплодотворения, и имплантировать их все с намерением, чтобы все они имплантировались, вынашивались и родились.

И я не знаю, сколько они сделали, но в целом, но я знаю, что это было через несколько имплантаций, они делали, скажем, около трех или четырех за раз, и они, конечно, были открыты для всех имплантаций. У них, вероятно, было бы 15 или 16 детей, если бы это происходило каждый раз. Как оказалось, это было успешно, я думаю, три раза.

Они имплантировали все эмбрионы, так что ни один из них не оставался в холодном хранилище, и им не нужно было беспокоиться о том, что делать с другими эмбрионами, которые не использовались, потому что все они были использованы. И теперь, я думаю, у них около четырех детей. Может быть, это больше семьи, чем они предполагали, но они были убеждены, что из уважения к святости человеческой жизни мы собираемся это сделать, даже если это означает, что у нас будет восемь или девять детей.

Итак, это подход, который я несколько осторожно рекомендовал. Некоторые пролайферы даже не зашли бы так далеко, и они бы вообще отказались от использования этого метода. Но это подход, который я рекомендовал.

Теперь, что касается суррогатного материнства, это гораздо более проблематично. Когда вы вовлекаете третью сторону в процесс воспроизводства, вот несколько стандартных аргументов против суррогатного материнства. Один из них заключается в том, что это эксплуатация, что это превращает детей в товар, потому что это часто делается ради прибыли, когда суррогатной матери платят определенную сумму, даже тридцать сорок тысяч долларов, чтобы выносить этого ребенка до срока.

Это не относится к ситуациям, когда, скажем, женщина, которая не может выносить ребенка, просит свою сестру стать суррогатной матерью. Это часто случается в таких семьях. Так что у вас нет этой выгоды или мотива, но когда это вовлечено, тогда у вас есть это беспокойство об эксплуатации, которое, я думаю, является существенным.

Второй аргумент заключается в том, что суррогатное материнство превращает порок в добродетель, санкционируя отчуждение женщины от своего тела. Поэтому некоторые законы будут фактически написаны таким образом, чтобы ссылаться на суррогатных матерей как на инкубаторов для людей. Обычно считалось бы пороком со стороны матери быть эмоционально оторванной от своего ребенка, но именно это и требуется в данном случае, чтобы суррогатная мать с готовностью отказалась от этого ребенка, которого она только что родила.

Так разве практика, которая превращает порок в добродетель или считает порок добродетелью, не является морально подозрительной по этой причине? Во многих случаях суррогатная мать меняет свое мнение и настолько привязывается к ребенку эмоционально, что не хочет от него отказываться, и это может создать и создало множество конфликтов и осложнений в случаях суррогатного материнства. Это приводит к другому вопросу. Какие права, если таковые имеются, мы должны признать за суррогатной матерью в отношении ее ребенка? Это нелегко понять.

Это становится очень сложным. И у вас, опять же, есть различные практические проблемы, связанные с этим, включая эмоциональный стресс, даже если она решит отказаться от ребенка. Это, в некоторых случаях, имеет длительный негативный эмоциональный эффект.

Итак, вот несколько заключительных вопросов, которые мы можем задать. Возможно, католики были правы все это время, когда говорили, что проблема

заключается в строгом разделении секса и деторождения? Должны ли супружеские пары всегда быть открытыми для возможности зачатия по этой причине? В протестантском мире, среди евангелистов, все кардинально изменилось за последние 50 или 60 лет, особенно с появлением противозачаточных таблеток, против которых, когда противозачаточные таблетки впервые появились на рынке в начале 1960-х годов, я читал, что около 95% евангелистов были против, что интересно, потому что сейчас цифры, вероятно, были бы обратными. Подавляющее большинство евангелистов согласились бы с противозачаточными таблетками, и это показывает, насколько эта конкретная практика повлияла на взгляды в евангелическом сообществе.

Но, очевидно, гораздо больше евангелистов в 60-х годах осознали некую естественную связь между сексом и деторождением, которую, знаете ли, противоречила идея противозачаточных таблеток. И это правда, что есть много вещей, да, это своего рода культурные события, которые сначала шокируют, а потом мы привыкаем к этой идее. Я знаю, что купальник-бикини был представлен примерно в то же время, и это был настоящий скандал среди христиан, в основном просто раскрашивание нижнего белья, а затем представление его как законного купальника, и теперь вы не услышите много жалоб на бикини.

Итак, мы можем как-то привыкнуть к вещам и по этой причине избавиться от любых моральных угрызений совести, когда, насколько нам известно, они действительно являются морально проблематичными. Другой вопрос: в какой момент финансовые и эмоциональные затраты на решение проблем с фертильностью становятся непомерными? Что должны пары, или когда пары должны обратиться к усыновлению вместо этого? В какой момент вы просто говорите, что это действительно слишком рискованно, слишком дорого, давайте усыновим. Конечно, усыновление обычно становится очень дорогим.

Итак, в какой момент финансовые обязательства становятся слишком большими? И когда стоимость любого из них может означать, что это действительно воля Божья, чтобы, вы знаете, у пары не было детей или не было больше детей? Я знаю, что в случае с моим пастором, я уверен, финансовые аспекты или, вы знаете, важные соображения были важны в их решении окончательно остановиться на выводе, что это была воля Божья, чтобы они не имели детей. Другой вопрос, который мы можем задать, это то, перешли ли мы в нашем обществе от взгляда на детей как на благословение от Господа к тому, который рассматривает их скорее как обузу или право? Среди многих сторонников выбора преобладает мнение, по крайней мере во многих случаях, что дети являются обузой. Много лет назад я был на конференции, где был представлен доклад об абортах, и в последовавшей дискуссии женщина в зале сравнила зачатие с дорожно-транспортным происшествием.

Если бы она узнала, что зачала ребенка, она бы расценила это как нечто, сравнимое, знаете ли, с дорожно-транспортным происшествием, что заставило меня задуматься о том, что бы она сказала о моем собственном зачатии в результате неэффективного спермицида. Я эквивалентен продукту дорожно-транспортного происшествия, знаете ли, с точки зрения ее психологической точки зрения. Но это было бы рассматривать детей как бремя, роды и зачатие как бремя.

Те, кто рассматривает детей как право, имеют, знаете ли, совершенно иную точку зрения, и это также распространенное отношение, и это влияет на своего рода, возможно, некритическое отношение ко многим из этих репродуктивных технологий, которые также необходимо пересмотреть. Так что даже наше отношение как общества или как отдельных христиан к деторождению и к тому, как мы должны его рассматривать, имеет значительные последствия для того, как мы подходим к этому вопросу репродуктивных технологий.

Это доктор Джеймс С. Шпигель в своем учении о христианской этике. Это сессия 12, Репродуктивные технологии.